

Н. А. КАЗАКОВА

Идеология стригольничества — первого еретического движения на Руси

В XIV—XV веках в Новгороде и Пскове возникло первое на Руси широкое еретическое движение, известное под названием ереси стригольников. История ереси стригольников давно привлекала внимание исследователей. Об этом еретическом течении писали многие авторы — историки России, русской культуры и русской церкви как в своих общих трудах, так и в специальных исследованиях, посвященных изучению ереси.

Ценный вклад в изучение ереси стригольников внесла советская историография. В результате работ советских исследователей окончательно опровергнут тезис об иностранном происхождении стригольничества; показаны социальные корни ереси, порожденной глубочайшими противоречиями феодального общества; дано четкое определение сущности ереси как ереси городской; подчеркнут критический рационалистический характер идеологии еретиков. Но, к сожалению, эти ценные мысли часто высказывались в форме отдельных замечаний, не подкрепленных соответствующим анализом источников. Специального исследования, в котором были бы освещены все стороны движения стригольников, в советской литературе до сих пор не имеется. Настоящая статья ставит своей целью охарактеризовать идеологию стригольников в целом, насколько это возможно сделать на основе скудных и отрывочных известий сохранившихся источников.

* * *

Никогда церковь не играла такой большой роли в жизни общества, как в средние века. Церковь являлась крупнейшим феодальным собственником: в огромных земельных владениях церквей и монастырей работали тысячи и тысячи крепостных крестьян, своим подневольным трудом создававших те колоссальные богатства, которые скапливались в руках церкви. Будучи сама крупнейшим феодалом, эксплуатируя труд феодально зависимого крестьянства, церковь в то же время являлась носителем и проводником феодальной идеологии, укреплявшей и освящавшей базис феодального общества. Основные заповеди христианской религии использовались церковью для того, чтобы внушить народу убеждение в неизбежности феодальной собственности и феодальных порядков, приучить народные массы смиренно и покорно переносить горькую земную долю в надежде на загробное блаженство. В период средневековья все отрасли человеческого знания — история, юриспру-

денция и т. д. — были подчинены церкви, и даже сама философия являлась не более, чем служанкой богословия. Подчеркивая то положение, которое церковь занимала в феодальную эпоху, Энгельс указывал, что она выступала в качестве наивысшего обобщения и санкции существующего феодального строя.¹

Неудивительно, что при этих условиях выступления против феодализма часто принимали форму выступлений против господствующей церкви и ее учения, форму религиозных ересей, ибо для того, „чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости“.² Таким образом, в условиях феодальной эпохи ереси являлись одной из форм классовой борьбы, одной из форм протеста народных масс против существующих феодальных порядков. В то же время ереси занимали важное место в развитии средневековой общественной мысли.

В каждую историческую эпоху господствующими являются идеи того класса, которому принадлежит экономическая и политическая власть. В средние века в духовной жизни общества господствовали идеи класса феодалов. Феодальная идеология свое наиболее яркое выражение получила в учении феодальной церкви — католической в Западной Европе и православной в Восточной. Однако, несмотря на господство феодально-церковной идеологии, в народном мировоззрении феодальной эпохи имели место черты, по сути своей противостоящие этой идеологии.

На Руси отрицательное отношение народа к христианско-церковной идеологии находило свое выражение в двоеверии, в приверженности народных масс к старым языческим обрядам, против чего высшие иерархии православной церкви выступали в своих посланиях даже в XIV—XV веках. В какой-то степени формой оппозиции учению господствующей церкви являлись и те представления о христианской религии, которые запечатлелись в апокрифической литературе, пользовавшейся популярностью в народе.³ Свое критическое отношение к духовенству народ выражал в пословицах и поговорках, клеймящих алчность, порочность, развратную жизнь духовенства. Порою в народном творчестве встречались и отдельные проявления далеко идущего вольномыслия, как это имело место, например, в трактовке образа Василия Буслаева — бестрашного бунтаря, который „не верует ни в сон, ни в чох“ и во время поездки в Иерусалим смело нарушает религиозные традиции.⁴ Однако эти отдельные, иногда очень смелые проявления вольномыслия не сложились и не могли сложиться в систему внерелигиозных взглядов, не могли вылиться во внерелигиозное мировоззрение. Вследствие верховного господства религии во всех отраслях умственной жизни идеология, противостоящая господствующей феодально-церковной идеологии, также неизбежно должна была принять религиозную оболочку. Эта идеология находила свое выражение в еретических учениях, которые в условиях феодальной эпохи являлись одной из форм социального протеста, формой оппозиции господствующему феодально-церковному мировоззрению.

Ереси были известны на Руси с первых веков утверждения в ней христианской религии. Уже так называемый „Устав князя Владимира“, сложившийся к XII веку, и „Святительское поучение“ XIII века упо-

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. В кн. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

² Там же.

³ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 72—73.

⁴ Н. П. Андреев. Былины. Л., 1938, стр. 400—403.

минают, наряду с другими категориями преступников, и еретиков.¹ Известия об отдельных еретических выступлениях в XI—XIV веках имеются и в летописях.² Однако учение первых еретиков нам не известно, и, вероятно, оно не получило большого резонанса в обществе: вплоть до XIV века источники не содержат известий в сколько-нибудь значительных еретических движениях на Руси. Повидимому, первым широким еретическим движением на Руси, оставившим глубокий след в русском обществе, была ересь стригольников.

Появление ереси стригольников было связано с теми социально-экономическими сдвигами, которые происходили в это время на Руси: развитием ремесла и торговли, ростом городов, распространением товарно-денежных отношений и обострением в связи с этим социальных противоречий. В то же время зарождение и распространение ереси именно в Новгороде и Пскове было обусловлено особенностями их исторического развития. Высокая степень развития феодальных отношений и вместе с тем яркий расцвет ремесла и торговли, экономическое и политическое господство класса феодалов и в то же время значительная роль посадского населения в жизни обеих феодальных республик, вечевой строй, вовлекавший в политическую борьбу демократические слои населения, — все эти своеобразные черты исторического развития Новгорода и Пскова обусловили необычайный размах классовой борьбы, бушевавшей в этих городах. Особенности исторического развития Новгорода и Пскова определили также высокий уровень новгородско-псковской культуры, придали этой феодальной в своей основе культуре черты известного демократизма и создали, таким образом, благоприятные условия для распространения идей еретичества и вольномыслия.

Однако, несмотря на популярность среди населения Новгорода и Пскова идей еретичества, об учении стригольников мы знаем очень мало. У стригольников существовала своя литература — „писание книжное“, которое они создали „на помощь ереси своей“.³ Очевидно, это „писание книжное“ содержало изложение основ учения стригольников. Но оно до нас не дошло, так как церковь, беспощадно борющаяся с еретическими идеями, подвергала уничтожению не только их физических носителей — еретиков, но и те памятники письменности, в которых эти идеи были запечатлены. Поэтому судить об идеологии стригольников приходится на основе тех отрывочных и бессистемных сведений, которые содержатся в обличительных посланиях против стригольников, пронизанных духом религиозной нетерпимости и ненависти по отношению к еретикам.⁴

¹ Памятники русского права, вып. 1. Составил А. А. Зимин, М., 1952, стр. 238, 241, 245. — Русская историческая библиотека (в дальнейшем — РИБ), т. VI, СПб., 1908, стр. 107.

² ПСРЛ, т. IX, стр. 68, 192. Считаю нужным отметить, что дошедшие до нас известия о киевских еретиках XI—XII веков — Андрее и Дмитре — имеются в Никоновской летописи XVI века и не подтверждаются более ранними источниками.

³ Поучение русского епископа Стефана против стригольников. РИБ, VI, № 25, стр. 214.

⁴ Сохранилось шесть обличительных посланий против стригольников: 1) „Грамота константинопольского патриарха Нила в Псков“, около 1382 г. (РИБ, VI, № 22); 2) „Поучение русского епископа Стефана против стригольников“, около 1386 г. (РИБ, VI, № 25); 3) „Грамота митрополита Фотия псковичам“ от 23 сентября 1416 г. (РИБ, VI, № 42); 4) „Грамота митрополита Фотия в Псков“ от 24 сентября 1422 или 1425 г. (РИБ, VI, № 51); 5) „Послание митрополита Фотия в Псков“ от 22 июня 1427 г. (РИБ, VI, № 55); 6) „Послание митрополита Фотия в Псков“ от 23 сентября 1427 г. (РИБ, VI, № 56).

Наиболее сильной стороной учения стригольников являлась критика православной церкви и ее догматов. Критика у стригольников, повидимому, достигала поразительной силы. Недаром при чтении обличительных посланий создается впечатление, что авторы их не столько обличают еретиков, сколько защищают господствующую церковь от нападок с их стороны. Положительная часть учения стригольников, те идеалы, которые они противопоставляли ложным с их точки зрения доктринам официальной церкви, разработаны гораздо слабее. И это естественно. Ересь стригольников была по существу первым на Руси идеологическим движением, направленным против господствующей феодально-церковной идеологии. И в качестве носителей новой идеологии стригольники начали с критики идеологии старой, уделяя меньше внимания разработке положительной части своего учения. Эта черта составляла особенность не только стригольничества, но и некоторых ранних еретических учений Западной Европы, сильных своей критикой и гораздо более слабых в положительной части. Эту особенность, в частности, подчеркивает Энгельс применительно к учению Абеяра: „У Абеяра главное — не сама теория, а сопротивление авторитету церкви“.¹

Критика стригольниками православной церкви направлялась по двум линиям: по линии ее теории — отрицались важнейшие церковные догматы, — и по линии ее практики — отрицались организационные принципы и материальные основы православной церкви, подвергалась осуждению недостойная жизнь духовенства.

Один из главных пунктов критики стригольниками организационных основ православной церкви составляло осуждение „поставленья по мзде“, т. е. осуждение существовавшей в православной церкви практики, согласно которой лицо, поставляемое в духовный сан, обязано было уплачивать поставляющему особую плату — ставленические пошлины. Благодаря алчности и сребролюбию высшего духовенства эта практика превратилась по существу в симонию — продажу церковных мест. Указывая на широкое распространение поставления по мзде, на то, что лица, находящиеся на самых высших ступенях духовной иерархии, поставлены не „по достоянию“, а „по мзде“, стригольники отрицали на этом основании всю церковную иерархию. Яркий обличитель еретиков, епископ пермский Стефан, в своем „Поучении“ пишет, что стригольник „оклеветал весь вселенский събор, патриархов и митрополитов, и епископов, и игуменов, и попов, и весь чин священнический, яко не по достоянию поставляеми“.²

Однако стригольники отрицали всю духовную иерархию, как по мзде поставленную, не для того, чтобы заменить ее новой, поставленной по достоянию. Мы считаем, что слова Стефана Пермского о том, что „стригольницы ни священниа имущи, ни учительскаго сана, сами ся поставляють учителя народа“ и далее „изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати хрестьяном, и поставистеся учителя народом“,³ следует понимать в том смысле, что стригольники вообще отрицали духовенство как особое сословие, членом которого можно было стать, только пройдя через поставление. Учителем, проповедником у стригольников могло быть, как мы об этом будем говорить ниже, любое лицо, обладающее соответствующими способностями и желанием. Повидимому, именно так трактовали учение стригольников в церковных кру-

¹ Ф. Энгельс. О Франции в эпоху феодализма. Архив Маркса и Энгельса, т. X, М., 1948, стр. 300.

² РИБ, VI, № 25, стр. 214.

³ Там же, стр. 215, 218.

гах XVI века, когда еще свежа была память об этом еретическом движении. Один из списков „Поучения“ Стефана Пермского, включенный в Минеи, составленные по поручению новгородского архиепископа Макария в 1538 году, имеет следующий характерный заголовок: „О новгородских и псковских стригольниках, рекше взявших на ся собою достоинства, оучительства, а не от бога или от болшаго святителя поставленных в оучители“.¹ Этот заголовок свидетельствует о том, что предстатели православной церкви XVI века основной чертой учения стригольников считали признание ими права учительства за непосвященными в духовный сан и соответственно отрицание духовенства, как особого сословия, являющегося благодаря таинству священства носителем божественной благодати. Все эти данные позволяют утверждать, что стригольники отрицали необходимость духовенства, отрицали духовную иерархию и тем самым выступали против организационных основ феодальной церкви.

Тезис об отрицании духовенства, сформулированный стригольниками еще в первый период существования ереси, в XIV веке, получил дальнейшее развитие в первой половине XV века, когда средоточием ереси стал Псков. Псковские стригольники отрицали не только духовенство, но и монашество. На это указывает митрополит Фотий в своей грамоте против стригольников от 22 июня 1427 г. „Слышу, — пишет Фотий, — тех некоторых, яко отступлены от бога, о своем крестиянстве небрежуще, но и чин великаго божья священства и иночества яко ни во чтоже полагающе, но и умаляюще“.² Тезис об отрицании монашества является исключительно важным, ибо в нем ярко проявилась социальная направленность учения стригольников. Нам представляется вероятным предположение о том, что, отрицая монашество, стригольники отрицали не только самый институт, основанный на идее ухода от земной жизни с целью спасения души, но и его материальную основу — монастырское землевладение. Поскольку земельные владения монастырей составляли значительную часть феодального землевладения, постольку выступление стригольников против монашества объективно наносило удар и по феодальной земельной собственности.

Предметом резкой критики со стороны стригольников являлось также низкое состояние нравственности духовенства, недостойный, несоответствующий высоким христианским идеалам образ жизни духовных лиц. „Сии учителя пьяницы суть, ядят и пьют с пьяницами“,³ — так говорили стригольники о священниках. Но не эти обвинения, бичующие духовенство за пьянство, обжорство, распущенность, представляют для нас интерес. Стригольники, осуждая духовенство за недостойный образ жизни, с особой силой обрушивались против сребролюбия и стяжания имений, которому предавались духовные лица. „Глаголють бо стригольницы о нынешних святителех и о попех: «не достойны де их службы, яко не [не] стяжаша, но имения взимають у хрестьян, подаваемое им приношение за живыя и за мертвыя»“.⁴ Именно в этих высказываниях, направленных против стяжания духовных лиц, вновь проявилась социальная заостренность учения стригольников, ибо логическим выводом из осуждения церковного стяжательства должен был быть вывод об отрицании права церкви на владение имениями.

¹ Рукописное отделение Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Софийское собрание, № 1323, л. 449-а.

² РИБ, VI, № 55, стр. 475—476.

³ Там же, № 25, стр. 220.

⁴ Там же.

Интересы церкви как феодального собственника затрагивало и непризнание стригольниками обрядности, связанной со смертью человека. По словам Стефана Пермского, стригольники учили, что „не достоин де над мрътвыми пети, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приносити к церкви, ни пиров творити, ни милостыни давати за душу умершаго“.¹ Из этих слов обличителя стригольников видно, что они отрицали необходимость заупокойных молитв, а также тех приношений в церковь — приносов, милостыни и, очевидно, вкладов по душе, — которые делались с целью обеспечения спасения души умершего. Проповедь стригольников, направленная против заупокойных молитв и связанных с ними обрядов, весьма чувствительно задевала материальные интересы церкви, так как „приносы“ и „милостыня“ были одной из статей доходов духовенства; что же касается вкладов по душе, то эти вклады являлись существенным источником расширения земельной собственности церкви, так как они часто совершались вкладчиками в форме передачи церкви своих земельных владений.

Таким образом, в выступлениях стригольников против монашества, церковного стяжательства, заупокойных молитв и связанных с ними приносов ярко сказалась социальная направленность их учения, поскольку все эти выступления в той или иной мере были направлены против материальной основы церкви — церковной собственности и в первую очередь церковного землевладения.

Если в своих выступлениях против организационных принципов и материальных основ православной церкви стригольники показали себя смелыми обличителями и борцами против церкви как института феодального общества, то в своей критике церковных догматов и таинств они выступали как носители новой, включающей элементы рационализма и гуманизма² идеологии.

Господствующей традиционно-религиозной идеологии с ее требованием обязательного слепого подчинения авторитету священного писания стригольники противопоставляли пытливое критическое мышление, к догматам веры они стремились подходить с позиций разума. Эту характерную черту идеологии стригольников отмечает Стефан Пермский, по словам которого, как некогда дьявол через змея соблазнил Адама, говоря: „Послушай мене: не язь от древа животнаго, но язь от древа разумнаго; аще не снеси от древа разумнаго, не разумети ти ни добра, ни зла“, так и теперь дьявол не перестает прельщать род человеческий через стригольника, который „противно Христу повелевает, яко от древа животнаго, от причастия удалитися, яко древо разумное показая им писание книжное, еже и списа на помощь ереси своей“.³

Итак, „писание книжное“, в котором, очевидно, было изложено учение стригольников, их оппонент приравнивает к библейскому древу разумному, вкусив плод которого человек мог познать добро и зло. Этим сравнением, как нам кажется, подчеркивается то, что учение стригольников было проникнуто критическим рационалистическим духом, что к догматам веры они подходили с меркой разума, пытаясь познать добро и зло, отделить истинное от неистинного.

О критическом рационалистическом направлении идеологии стригольников свидетельствует также их отношение к священному писанию.

¹ РИБ, VI, стр. 224.

² Говоря об элементах гуманизма в мировоззрении стригольников, мы имеем в виду свойственное их учению подчеркивание значения человеческой личности как активного начала (см. стр. 111 настоящей статьи).

³ РИБ, VI, № 25, стр. 213—214.

Наставники, учителя стригольников были образованными людьми — „книжниками“, как это постоянно подчеркивают даже их враги. Они являлись знатоками христианской литературы — той основы, на которой строилось все здание образованности феодального мира: „... изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати хрестьяном“, пишет о них Стефан Пермский. Однако стригольники признавали гораздо более узкий круг христианской литературы, нежели православная церковь. По-видимому, для них не являлись авторитетными писания отцов церкви.¹

Для стригольничества, как и для многих других еретических направлений, характерно почитание евангелия, о чем неоднократно упоминает Стефан Пермский. Но это почитание у стригольников носило совершенно иной характер, чем то почитание книжное, которое проповедывалось православной церковью. Церковь требовала слепого, без всяких рассуждений, подчинения авторитету священного писания: „Всяк бо, почитаа книжная писания без смирения и кротости, ища кого укорити чим, и тем впадает в ересь“,² — заявляет представитель ортодоксальной точки зрения Стефан Пермский. Стригольники же, почитая евангелие, пылливо вдумывались в его содержание, использовали имеющиеся в нем основания для обоснования своего учения и критики православной церкви; недаром Стефан Пермский обращается к стригольникам с упреком: „Не того дея дал Христос еуангелие в мир, чтобы почитая его, смотрити того слова, чим бы кого укорити“.³

Элементы рационалистичности явственно сказываются в отрицании стригольниками такого важного таинства православной церкви, как таинство причащения. Мотивы отрицания этого таинства могли быть двоякие: во-первых, вследствие того, что оно совершалось духовными лицами, ведущими недостойный образ жизни; во-вторых, из-за принципиальных соображений в силу непризнания за ним того значения, которое приписывала ему церковь. Само собой разумеется, что отрицание второго порядка было бы гораздо более глубоким. Не оспаривая того, что стригольники, выступая против таинства причастия, в качестве одного из аргументов указывали на то, что оно совершается недостойным духовенством,⁴ мы считаем, что в основе непризнания стригольниками этого таинства лежали соображения принципиального порядка, иначе Стефану незачем было бы обосновывать глубокий смысл и необходимость причастия (независимо от вопроса о том, кто его совершает — достойное или недостойное духовенство). Стефан Пермский пишет: „Сам бо Христо рече: «небо и земля мимо идут, а словеса мои не мимо идути. Ядый плоть мою во мне пребывает, и аз в нем; аще не снете плоти сына человеческого и не пьете крови его, живота не имате в себе»“. И вслед за этим, как бы подчеркивая принципиальное

¹ Сделать это предположение позволяет то обстоятельство, что стригольники отвергали некоторые содержащиеся в писаниях отцов церкви важные с ортодоксальной точки зрения положения, например положение о необходимости зауспокойных молитв, которое обосновывается у Иоанна Златоуста, в Прологе. Что касается псковских стригольников XV века, то в „Послании“ Фотия от 23 сентября 1427 г. мы находим прямое указание на то, что они „преданей апостольских и отечьских не верующе“ (см. стр. 115).

² РИБ, VI, № 25, стр. 227.

³ Там же, стр. 221.

⁴ Об этом нам позволяет судить следующее место из „Почуения“ Стефана Пермского против стригольников: „Егда священник службу служить, тогда имети его, яко Христа, в Сионе с ученики вечеряша, и тако достойно причастися от руки его, яко от руки Христовы, а не разсужая и не распытывая о ерен божии, аще достоин, или ни“ (РИБ, VI, № 25, стр. 216).

отрицание стригольниками таинства причастия, он утверждает: „Стригольник же противно Христу повелевает, яко от древа животного от причастия удалитися, яко древо разумное показая им писание книжное“.¹ Итак, причастия следует избегать как древа животного, вкушая плод которого человек остается равнодушным к добру и злу. Оно противопоставляется „дрегу разумному“. Эту аргументацию, направленную против причастия, можно интерпретировать, как нам кажется, лишь в одном смысле: стригольники отрицали причастие как действие, необъяснимое с точки зрения разумности, т. е. выступали в данном случае носителями рационалистических настроений.

Результатом критического подхода к догмам веры является отрицание стригольниками и другого важного таинства — исповеди духовенству. Отрицание стригольниками исповеди духовенству Стефан Пермский объясняет их стремлением отнять „от попов честь ерейскую... еже им Христос дал вязати и разрешати грехи“.² Эти слова позволяют раскрыть мотивы, которые лежали в основе непризнания стригольниками церковной исповеди: стригольники не признавали за духовенством права „вязать и разрешать грехи“. Иными словами, они отказывались рассматривать духовных отцов как лиц, наделенных прерогативами божественной власти. Отрицание стригольниками церковной исповеди являлось логическим следствием отрицания ими духовенства как особого сословия, являвшегося носителем божественной благодати.

Аналогичные мотивы лежали, повидимому, в основе непризнания стригольниками всей обрядности, связанной со смертью человека: заупокойных молитв, приносов, милостыни, вкладов по душе.³ С другой стороны, в непризнании действительности обрядов, совершаемых духовенством с целью спасения души умершего, стригольники могли также исходить из представления об ответственности человека за свои поступки, о том, что земной жизнью человека определяется его посмертное воздаяние. Последнее предположение находит себе опору в том обстоятельстве, что в учении стригольников большое место занимало требование нравственной жизни, о чем подробнее мы будем говорить ниже.

О положительной части учения стригольников судить еще труднее. Авторы обличительных посланий против стригольников своей главной целью ставили опровержение критики стригольниками православной церкви и ее учения; поэтому в источниках критика стригольников получила более полное отражение, нежели те положительные идеалы, которые противопоставлялись ими господствующей религиозной доктрине. Кроме того, как мы уже указывали, в силу особенностей раннееретических учений положительная часть учения стригольников, его теория, вообще была разработана, вероятно, слабее.

Реконструкцию положительной части учения стригольников начнем с того, что попытаемся установить, существовали ли у стригольников какие-либо принципы церковной организации вместо опровергаемых ими организационных принципов православной церкви. Нам кажется, что на этот вопрос можно ответить положительно. Прежде всего отметим, что стригольники отделились от православной церкви: „отлучишася съборныя апостольския церкви“, — пишет о них патриарх Нил. Далее, не ограничившись отпадением от православной церкви, стригольники противопоставляли себя всему православному христианству как носителям истин-

¹ РИБ VI, № 25, стр. 214.

² Там же, стр. 224.

³ См. стр. 108 настоящей статьи.

ной веры: „себе же токмо правоверных мняще“.¹ При таких воззрениях стригольников вряд ли будет ошибкой предположить, что они основывали свои общины.

Общины стригольников, вследствие принципиального отрицания ими духовенства, не имели священников. Тезису православной церкви о том, что только лицо, прошедшее через поставление, имеет право на духовное учительство, стригольники противопоставляли утверждение о праве мирян на проповедь и духовное пастырство. Это право они обосновывали ссылкой на апостола Павла, который „и простому человеку повеле учить“.²

Но если и простой человек мог учить, то что было необходимо, чтобы стать учителем? Стефан Пермский в своем „Поучении“, говоря о стригольниках, неоднократно подчеркивает их высокую образованность, указывает, что они изучили „словеса книжные“ и говорили „от писания книжного“.³ Очевидно, эта характеристика относится не ко всей массе стригольников, которые вряд ли могли быть знатоками книжности, а к учителям стригольников. Таким образом, учителем стригольников мог стать всякий, кто имел достаточную образованность, определенные ораторские данные и, кроме того, само собой разумеется, горячую веру. Иными словами, в основе права учительства у стригольников лежал принцип личной правоспособности. Мы не знаем, результатом чего, с точки зрения стригольников, являлась личная правоспособность — результатом божественного предопределения, в силу которого человек имел соответствующие способности и желание изучить „словеса книжные“ и говорить „от писания книжного“, или результатом проявления свободной воли человека. Взгляды стригольников по этому вопросу нам не известны, в общефилософском же плане принцип личной правоспособности может признаваться как с позиций детерминизма, так и с позиций индетерминизма. Но как бы не объяснялась стригольниками личная правоспособность, признание этого принципа все равно означало подчеркивание роли человеческой личности как активного начала.

Можно предположить, что поскольку стригольники признавали человека началом активным, постольку они предъявляли к нему высокие требования. Отсюда у стригольников утверждение строгих норм нравственной жизни. Сами стригольники были людьми высокого нравственности. Это должен был признать даже Стефан Пермский, который строгие нормы поведения стригольников пытается наивно объяснить как лицемерие с их стороны, как средство, к которому они прибегали для привлечения народа: „Таковыи же беша еретицы, постницы, молебницы, книжницы, лицемерницы, пред людьми чисти творящесе: аще бо бы не чисто житье их видели люди, то кто бы веровал ереси их?“.⁴

Одной из обязательных норм поведения каждого истинного христианина стригольники считали нестяжательство, отказ от накопления богатств. Именно эта черта учения стригольников находила, вероятно, особенно горячий отклик у трудового народа и создавала им широкую популярность. Об этом мы можем судить на основании одного замечания Стефана Пермского, сделанного им с явным озлоблением: „О стригольницех же неции безумнии глаголють: «сии не грабятъ и имения ни збирають»“.⁵ За неимением соответствующих указаний в источниках мы

¹ РИБ, VI, № 22, стр. 191—192.

² Там же, стр. 222.

³ См. стр. 109 настоящей статьи.

⁴ РИБ, VI, № 25, стр. 227.

⁵ Там же, стр. 226.

не можем сказать, какая конкретная программа скрывалась за принципом нестяжательства, проповедуемом и осуществляемом стригольниками: означал ли этот принцип только призыв к отказу от накопления богатств или за ним скрывалась тенденция ко всеобщему имущественному уравниванию, как у левых еретических течений Западной Европы. Во всяком случае этот принцип означал осуждение того резкого социального и имущественного неравенства, которое столь характерно для феодального общества, как и для всякого классового общества вообще, и которое санкционировалось и освящалось феодальной православной церковью.

Возвращаясь к характеристике церковной организации у стригольников, мы считаем возможным отметить, что поскольку стригольники, с одной стороны, проповедовали принцип личного нестяжательства, а с другой — выступали с резким осуждением церковных богатств, постольку мы вправе предположить, что общины стригольников не обладали собственностью. По своей организации общины стригольников напоминали, вероятно, раннехристианскую церковь с присущими ей уравнительными тенденциями и отсутствием духовной иерархии.

Стригольнические общины напоминали раннехристианскую церковь и еще в одном отношении — отсутствием сложной и пышной обрядности, выработанной феодальной церковью. Повидимому, стригольники не признавали служб, совершаемых в церквях духовенством. Место церковных служб занимала у них живая проповедь и молитвы, совершаемые учителями стригольников часто перед народом, под открытым небом. Сделать это предположение нам позволяет одно место из „Почуения“ Стефана Пермского. Среди наставлений о том, как себя должны вести истинные христиане в противовес еретикам-стригольникам, Стефан указывает: „Тако же молитися Христос в тайне повеле, всякого тщеславия и высокоумия убежати, не молитися на распутьях и на ширинах градных, ни выситися словеса книжными“.¹ Это место, как нам кажется, можно понимать в том смысле, что стригольники на городских улицах и площадях обращались со своей проповедью, наполненной „словесами книжными“, непосредственно к народу.

Из всех таинств и обрядов стригольники, насколько мы можем судить по показаниям источников, признавали лишь исповедь, причем последняя существовала у них в весьма оригинальном виде — в виде исповеди земле. „Еще же и сию ересь прилагаете, стригольницы, велите земли каются человеку“,² — пишет Стефан Пермский.

Своеобразие этого обряда побуждало каждого исследователя, писавшего о стригольничестве, пытаться в той или иной степени выяснить его содержание и происхождение. Различные точки зрения, высказывавшиеся по поводу происхождения обряда исповеди земле, по существу можно свести к двум. Представители одной точки зрения,³ являвшиеся сторонниками концепции иностранного происхождения стригольничества, выводили этот обряд из обряда покаяния, существовавшего у гейсслеров, которые, совершая покаяние, ложились кругом на землю, а затем подвергались ударам со стороны мастера-учителя.⁴ Вторую точку зре-

¹ РИБ, VI, № 25, стр. 222.

² Там же, стр. 223.

³ Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. 1, М., 1898, стр. 214—216. — А. Марков. Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении. Богословский вестник, 1910, май, стр. 363—364.

⁴ Гейсслеры — еретическая секта, возникшая в XIV веке в Германии и затем распространявшаяся в другие страны Западной Европы. Свое название получила от немецкого слова „die Geißel“ („бич“), так как члены ее подвергались бичеванию.

ния впервые высказал и обстоятельно аргументировал А. Афанасьев.¹ По его мнению, в основе обряда исповеди земле у стригольников лежало связанное с древними языческими верованиями славян представление о земле как о силе чудодейственной.

При чтении обличительного „Поучения“ Стефана Пермского может создаться впечатление, что обряд исповеди основывался у стригольников именно на таком полужазыческом представлении о земле. Так, Стефан Пермский доказывает неправильность этого обряда следующими словами: „А кто исповедается земли, то исповедание не исповедание есть: земля бо бездушна тварь есть, не слышит и не умеет отвечать и не воспретит съгрешающему. Того для не подаеть бог прощения грехов к земле исповедующемуся“.² Формально можно сделать вывод о том, что если Стефан Пермский, возражая своим оппонентам, указывает, что земля — бездушная тварь и не умеет слышать, отвечать и возражать, то, очевидно, они утверждали обратное, а именно, что земля одухотворена и обладает всеми вышеперечисленными свойствами.

Однако нам кажется, что это место из „Поучения“ Стефана не следует понимать в таком смысле. Стригольникам с их бесспорной образованностью, знанием христианской литературы и некоторой склонностью к рационалистическому мышлению вряд ли могло быть свойственно полужазыческое представление о земле, наделенной атрибутами божества. Корни обряда исповеди земле у стригольников следует искать в народных представлениях средневековой эпохи, но иного порядка, не связанных с языческой древностью.

Мировоззрение народных масс феодальной эпохи представляло собой сложный конгломерат, в котором остатки языческих верований причудливо переплетались с христианскими представлениями, насаждавшимися господствовавшей церковью, а также с народным пониманием христианства. Народное понимание христианства, отклонявшееся, а порою и противоречившее догматическому учению официальной церкви, нашло свое выражение в духовных стихах, в течение веков распевавшихся русскими народными певцами.³ Именно в духовных стихах запечатлелись те народные представления, которые, как нам кажется, находятся в связи с обрядом исповеди земле у стригольников. Мы имеем в виду, в частности, космогонические представления, содержащиеся в известных стихах „Голубиной книги“.⁴ В этих стихах на вопросы:

Отчего зачался у нас белый свет,
Отчего зачалось солнце красное,
Отчего зачался светел месяц,
Отчего зачались зори ясные,
Отчего зачались звезды частые,
Отчего зачались дожди сильные,
Отчего зачались ветры буйные?

следуют ответы:

У нас белый свет начинается,
Начался бел свет от свята духа,
Самого Христа, царя небеснаго;

¹ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, стр. 142—150.

² РИБ, VI, № 25, стр. 224.

³ Русское народное поэтическое творчество, т. 1. М.—Л., 1953, стр. 294.

⁴ Не касаясь очень сложного вопроса о происхождении „Голубиной книги“ и, в частности, интересующей нас ее части (различные мнения по этому вопросу изложены в книге: В. Мочульский и др. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887); отметим только, что на Руси она была известна с давних пор.

Солнце красное от лица божия,
 Млад-светел месяц от груди божьих,
 Зори ясные от риз божьих,
 Звезды частые от очес божьих,
 Дожди сильные от мыслей божьих,
 Ветры буйные от свята духа,
 Самого Христа, царя небеснаго.¹

В приведенных стихах бог выступает скорее как источник мироздания, нежели как творец мира. Бог не творит мир, как отдельно стоящая от него сила. Лицо, очи, грудь, одежда бога являются источниками природных стихий. При таких космогонических представлениях бог как бы сливается с природой.

Едва ли мы ошибемся, если будем толковать эти представления как проявление стихийного народного пантеизма. Это, конечно, не философский пантеизм, появление которого Энгельс рассматривал как результат влияния на идеалистические системы успехов естествознания, как попытку „сгладить противоположность между материей и духом“.² Тем не менее наивный стихийный пантеизм народных масс, вырвавшийся на основе постоянного общения человека с природой в процессе труда, в средние века, в условиях господства религиозного мировоззрения, представлял собой форму народного вольномыслия. Нам представляется вполне допустимым, что в основе обряда исповеди земле у стригольников лежали именно эти стихийно-пантеистические мотивы, свойственные народному мировоззрению средневековья.³

Таким образом, совершая исповедь, стригольники калялись не земле, а богу, но при этом, вероятно, они припадали к земле или совсем простирались ниц и с лицом, обращенным долу, произносили слова покаяния. Отсюда у врагов стригольников, представителей ортодоксального православия, могло возникнуть мнение о том, что в основе обряда исповеди у стригольников лежало полуязыческое поклонение земле. На самом деле, как нам кажется, содержание этого обряда составляла исповедь не земле, обладающей функциями божества, а богу, присутствующему везде в природе.

Идеология стригольничества не оставалась неизменной в течение всего периода существования ереси. Основные черты учения стригольников сложились в XIV веке. В первой половине XV века, когда ересь, подавленная в Новгороде, перебросилась в Псков, в стригольничестве появляются течения с различными идеологическими оттенками. О наличии этих течений свидетельствует грамота митрополита Фотия псковичам от 22 июня 1427 г. В этой грамоте Фотий пишет: „Слышу, тех некоторых, яко отступлены от бога, о своем крестияньстве небрегуте, но и чин великаго божья священства и иночества яко ни во чтоже полагающе, но и умаляюще; и тех, по слышанию слышу, иже яко Садукеемь онем проклятым подражающе суть, еже яко и въскресенью не надеюще быти мняху“.⁴ Таким образом, Фотий отличает основное направление стригольничества, главным тезисом которого являлось отрицание духовенства и монашества, от его крайнего левого течения.

¹ Голубиная книга. Калекы переходже. Сб. стихов и исслед. П. Бессонова, вып. 2, М., 1861, стр. 274—275.

² Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 646.

³ В этой связи считаем нужным отметить, что некоторые западноевропейские еретические учения также заключали в себе элементы пантеизма. Пантеизм, как мы указывали выше, Энгельс усматривал в мировоззрении Мюнцера.

⁴ РИБ, VI, № 55, стр. 475—476.

Представители этого течения, сохраняя, повидимому, все основные положения стригольничества об отрицании духовенства, иночества, церковных таинств и обрядов, в то же время пошли в своих взглядах гораздо дальше.

Если стригольничеству XIV в. была присуща мысль о ненужности, нецелесообразности заукойных молитв, вкладов по душе и всей обрядности, связанной со смертью человека, то представители левого крыла псковских стригольников XV века, отталкиваясь от этой мысли, пришли к чрезвычайно смелому заключению: подобно древним Садукеям, они не верили в воскресенье мертвых! Логическим следствием этого неверия должно было быть отрицание таких важнейших представлений христианской религии, как представления о страшном суде, а также о рае и аде, ибо если нет воскресенья мертвых, значит некого судить и некому идти в рай и ад; эти компоненты потустороннего мира становятся абсолютно бессмысленными, а вместе с ними теряет всякий смысл и право на существование и весь потусторонний мир. Мы не знаем, сделали ли стригольники этот крайний, но совершенно логический вывод, — источники об этом нам ничего не говорят, — но и того заключения, до которого они дошли — об отрицании воскресения мертвых — совершенно достаточно для того, чтобы судить об исключительно высоком взлете их мысли. Ведь философской основой отрицания воскресения мертвых является материалистическое представление о реальности лишь земного материального мира. Стригольники, сами того не сознавая, выступали как стихийные материалисты.

Повидимому, о стригольниках левого крыла идет также речь в одном отрывке из последней обличительной грамоты Фотия, датированной 23 сентября 1427 года. Поскольку в этом отрывке содержится чрезвычайно интересный материал, мы позволили себе привести его целиком: „А как ми пишете о тех помраченных, что како тие стриголници, отпадающе от бога и на небо взирающе беху, тамо отца себе нарицають: а понеже бо самых того истинных евангельских благовестей и преданей апостольских и отечьских не верующе, но како смеють, от земля к воздуху зряще, бога отца себе нарицающе, и како могут отца себе нарицати? А убо ослепи их помрачение их. А весте, еже не ангелы-бог сведе роду человеческому на исправление, но человек достоверных, святителей и архиереи постави, и иереи, и свою власть от апостолов тем дарова; и се паки и по божественному писанию весте от апостол, еже бог наш на небеси и на земли. И котории тие стриголници, от своего заблуждения, не имуть чисте веровати православия истинного, ни к божьим церквам, к небу земному, не имуть быти прибегающе, и на покаяние к своим отцем духовным не имуть приходи: и якоже убо преже к вам писах, и ныне пишу, удаляйте себе от тех в ястыи и питьи, и казньми (только не смертными, но внешними казньми и заточеньми) приводяще тех, да будут в познание и обращение к богу“.¹

Среди обвинений, которые Фотий предъявлял стригольникам, обратим внимание на два: во-первых, Фотий обвинял стригольников в том, что они „отпадающе от бога и на небо взирающе беху, тамо отца себе нарицають“, во-вторых, он ставил в вину им то, что они „истинных евангельских благовестей и преданей апостольских и отечьских не верующе“. Итак, по словам Фотия, стригольники „отпадали“ от бога. Нам кажется, что эти слова следует понимать в том смысле, что представление о боге, которое существовало у еретиков, существенно отли-

¹ РИБ, VI, № 56, стр. 484—485.

чалось от представлений господствующей церкви. В чем же заключалось это отличие? Стригольники не верили не только в предания апостольские и отеческие, но и в „евангельские благовести“, т. е. они не признавали евангелия с его учением о Христе, сыне божьем. А если это так, то, следовательно, они ставили под сомнение один из основных догматов учения официальной церкви — догмат троицы. В допустимости этого предположения подкрепляет нас дважды повторенные Фотием слова о том, что стригольники „бога отца себе нарицающе“. Далее, стригольники, повидимому, не признавали присущую православной церкви персонификацию, а также фетишизацию бога в виде икон и других его изображений. Недаром Фотий подчеркивает, что стригольники „на небо взирающе беху, тамо отца себе нарицають“ и, дальше, „от земля к воздуху зряще, бога отца себе нарицающе“. На основании этих высказываний Фотия можно предположить, что стригольники мыслили бога-отца как отца всего сущего, как безликую силу, находящуюся в природе. И подобно тому как во время исповеди, в порыве покаяния, они припадали к земле, так во время молитвы, в порыве экстаза, они обращали свои взоры к небу, к незримому богу. В основе этих представлений лежали, как нам кажется, те же стихийно-пантеистические мотивы, которыми было обусловлено существование у стригольников и обряда исповеди земле.

Что же представляло собой рассмотренное нами левое течение стригольничества? Как уже было отмечено, представители этого течения, повидимому, принимали все основные положения стригольничества об отрицании организационных и социальных основ православной церкви — именно это дало основание Фотию и, очевидно, не только Фотию, зачислить их в ряды стригольников. В то же время идеологи этого направления основное внимание обращали на разработку теоретических вопросов. И в этой области они пришли к чрезвычайно смелым заключениям: к стихийно-материалистическому по сути выводу об отрицании воскресения мертвых, к стихийно-пантеистическому представлению о боге и к непризнанию троицы, продиктованному велениями рассудка. Таким образом, это было еретическое учение с ярко выраженным уклоном в рационалистичность.

Однако черты, присущие идеологии левого течения стригольничества, не могли быть типичными для этой ереси в целом. Как мы уже отмечали, Фотий в грамоте от 22 июня 1427 года четко отделяет от основной массы стригольников левое их крыло, отрицавшее воскресение мертвых. Далее, нам кажется, что элементы рационалистичности, характерные для воззрений стригольников левого крыла, требовали от лиц, придерживавшихся этих воззрений, высокой степени образованности.

Уже из того факта, что ересь стригольников была распространена в крупнейших городских центрах Руси — Новгороде и Пскове, мы можем заключить, что это была городская ересь, связанная с торгово-ремесленным населением посада. Об этом говорит и анализ социальных идей еретиков. Как мы уже указывали, ересь стригольников была направлена против социальных и материальных основ феодальной церкви. Идеалом стригольников была раннехристианская церковь с ее простотой, отсутствием пышной обрядности и духовенства, с ее уравнительными социальными тенденциями. Но это не дает основания рассматривать движение стригольников в качестве охранительного консервативного течения, как это делают некоторые авторы.¹ Объективно стригольники боролись

¹ А. Д. Седелников. Следы стригольнической книжности. Труды ОДРЛ, т. 1, Л., 1934, стр. 130.

за создание новой реформированной церкви. В этой новой церкви не должно было быть места для дорогостоящей духовной иерархии, для торжественной, поглощавшей большие средства обрядности; новая церковь не должна была заниматься „стяжанием имений“. Одним словом, новая церковь должна была быть „дешевой церковью“, а требование „дешевой церкви“ составляло, как указывает Энгельс, главное требование всех городских ересей.¹ По своему социальному содержанию стригольничество являлось ересью посадского населения русских городов.

Философские идеи стригольников своими корнями также уходят в русский посад: развитая торгово-ремесленная деятельность посадского населения способствовала проявлению личной инициативы, подчеркиванию значения человеческой личности; высокий уровень городской культуры создавал необходимые предпосылки для развития критического мышления. Все эти особенности идеологии стригольников рисуют их нам как носителей нового, противостоящего феодально-авторитарной идеологии, мировоззрения, начинавшего зарождаться в стенах русских городов и отражавшего недовольство народных масс усилившейся феодальной эксплуатацией.

* * *

Идеология стригольничества наложила отпечаток на развитие русской общественной мысли. Прямыми идейными наследниками стригольников были русские еретики XV—XVI веков. Новгородско-московские еретики конца XV—начала XVI веков, а также московские еретики середины XVI века — Феодосий Косой, Матвей Башкин и другие — восприняли и развили основные тезисы стригольничества об отрицании духовенства и обрядности господствующей церкви.

Некоторые вопросы, впервые поднятые стригольниками, были подхвачены не только их продолжателями, еретиками XV—XVI веков, но и идеологами других слоев русского общества. Возможно, что своими выступлениями против монастырей и монастырского землевладения стригольники в какой-то степени идеологически подготовили почву для того страстного спора вокруг монастырского землевладения, который разгорелся в XVI веке в русской публицистике.

Идейное влияние стригольников, так же как и других еретических движений, нашло свое выражение и в распространении среди народных масс и в первую очередь посада критического отношения к духовенству. Это привело в XVI веке к появлению таких ярких антиклерикальных произведений, как „Калязинская челобитная“, „Повесть о попе Савве“, „Праздник кабацких ярыжек“.

Таким образом, ересь стригольников оставила ощутимые следы в идеологической жизни русского общества. Поэтому изучение идейного содержания учения стригольников, несмотря на его религиозную оболочку, представляет несомненный интерес для историков общественной мысли и литературы древней Руси.

---

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 129.